УДК 327.7(98):332.1
10.24412/2949-6195-2026-4-27-43

ДВЕ МОДЕЛИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНАЛИЗМА: СРАВНЕНИЕ СЕВЕРНОГО ФОРУМА И БАРЕНЦЕВА ЕВРО-АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

TWO MODELS OF NORTHERN REGIONALISM: A COMPARISON OF THE NORTHERN FORUM AND THE BARENTS EURO-ARCTIC REGION

Пилясов А. Н.

Pilyasov A. N.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Северный Форум; Баренцев Евро-Арктический регион; парадипломатия; межрегиональное сотрудничество; многоуровневое управление; институциональная устойчивость; Арктика

KEY WORDS

Northern Forum; Barents Euro-Arctic Region; paradiplomacy; interregional cooperation; multilevel governance; institutional resilience; Arctic

АННОТАЦИЯ

Северный Форум и Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество рассматриваются как два различных институциональных ответа северных регионов на открытие международного пространства после окончания холодной войны. Автор отказывается от их традиционного сопоставления по перечню участников, рабочих групп и проектов и сравнивает их «институциональную геометрию»: пространственную организацию, проектный механизм, устойчивость к внешним шокам. Северный Форум сформировал модель открытого зонально-сетевого регионализма, основанную на парадипломатии субнациональных правительств, обмене знаниями и высокой способности к пространственной и организационной реконфигурации. Баренцево сотрудничество сформировало модель территориально-смежного многоуровневого регионализма, соединяющего межгосударственный и межрегиональный уров-

ABSTRACT

The article examines the Northern Forum and Barents Euro-Arctic cooperation as two distinct institutional responses by northern regions to the opening of international space after the Cold War. Instead of comparing membership, working groups and individual projects, the study focuses on their “institutional geometry”: spatial organization, project mechanisms, and resilience to external shocks. The Northern Forum is interpreted as a model of open zonal-network regionalism based on subnational paradiplomacy, knowledge exchange and high capacity for spatial and organizational reconfiguration. Barents cooperation represents territorially contiguous multilevel regionalism combining intergovernmental and interregional layers with denser project and financial infrastructure. The crises of 2012–2013 and 2022–2026 reveal two different forms of institutional resilience: resilience through mobility and

Для цитирования:
Пилясов А. Н. Две модели северного регионализма: сравнение Северного Форума и Баренцева Евро-Арктического региона // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2026. №4 (28). С. 27-43.

For citation:
Pilyasov A. N. Two Models of Northern Regionalism: a Comparison of the Northern Forum and the Barents Euro-Arctic Region // Arctic 2035: Current Issues, Challenges, Solutions. 2026. No. 4 (28). P. 27-43.

ни и обладающего более плотной проектно-финансовой инфраструктурой. На материале кризисов 2012–2013 и 2022–2026 годов обосновывается положение о двух типах институциональной устойчивости: устойчивости через мобильность и реконфигурацию у Северного Форума и устойчивости через организационную встроенность у Баренц-региона. Конкурентное преимущество Северного Форума должно состоять не в воспроизведении институциональных моделей других арктических организаций, а в развитии собственной функции — глобальной сети региональной дипломатии, трансфера северных знаний и инкубации межрегиональных проектов.

reconfiguration in the Northern Forum, and resilience through organizational embeddedness in the Barents system. The article argues that the Northern Forum's strategic advantage should lie not in reproducing other Arctic institutions but in strengthening its distinctive role as a global network for regional diplomacy, circulation of northern knowledge and incubation of interregional projects.

Пилясов Александр Николаевич

— доктор географических наук; профессор экономики и менеджмента; профессор; кафедра социально-экономической географии зарубежных стран; МГУ имени М. В. Ломоносова, географический факультет, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; pelyasov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2249-9351

Pilyasov Alexander Nikolaevich

— Doctor of Geographical Sciences; Professor of Economics and Management; Professor; Department of Social and Economic Geography of Foreign Countries; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, 119991, Moscow, Leninskie Gory, Building 1; pelyasov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2249-9351

Введение

Тридцатипятилетие Северного Форума предоставляет редкую возможность оценить эту организацию не только ретроспективно — через перечень губернаторов, генеральных ассамблей, рабочих групп и проектов, — но и как институциональный эксперимент в международном сотрудничестве регионов. Северный Форум был учрежден 8 ноября 1991 года на Аляске. Его современная миссия формулируется как повышение качества жизни жителей Севера и содействие устойчивому развитию посредством обмена знаниями и опытом, совместных социально-экономических инициатив, форумов и проектов. Официально организация и сегодня определяет себя как международную структуру, основанную на членстве регионов и принципах общественной дипломатии, независимости и равноправия.

В книге В. Н. Васильева, Б. Х. Краснопольского и А. Н. Пилясова [1] была впервые в явном виде поставлена задача сопоставления Северного Форума и Баренц-региона. Авторы зафиксировали несколько принципиальных различий: меньшую формализованность Северного Форума; особую роль личного доверия и «народной дипломатии»; территориальный, «бассейновый» характер Баренц-региона и противопоставленный ему зональный, циркумполярный принцип Северного Форума; наконец, существенно более широкий географический замысел Уолтера Хикла — сотрудничество северных регионов Европы, Азии и Америки, а не только территорий одного приграничного макрорегиона. В книге Северный Форум также характеризуется как своего рода «венчурная обучающая организация» — пространство, где идеи могли возникать и испытываться раньше, чем они превращались в устойчивые проекты у других арктических институтов.

Высказанное в книге предположение, что У. Хикл мог «подсмотреть» Северный Форум у уже существовавшего Баренц-региона, не подтверждается хроноло-

гией. Северный Форум был создан в ноябре 1991 года, тогда как Баренцев Евро-Арктический совет (Barents Euro-Arctic Council, BEAC) и Баренцев региональный совет (Barents Regional Council, BRC) возникли в январе 1993 года на основе Киркенесской декларации и регионального протокола. Архив Баренцева сотрудничества фиксирует подготовительную региональную активность в 1992 году, но собственно двухуровневая институциональная система была учреждена позднее Северного Форума. Продуктивнее говорить не о заимствовании одной модели другой, а о двух почти синхронных институциональных изобретениях эпохи окончания холодной войны, по-разному ответивших на один исторический вызов: как превратить северную периферию, разделенную государственными границами и прежней военно-политической конфронтацией, в пространство регулярного сотрудничества?

Северный Форум и Баренц-регион не являются институционально идентичными организациями. Северный Форум — самостоятельная международная организация субнациональных правительств. Баренцево сотрудничество представляет собой двухэтажную систему: на верхнем уровне действует межправительственный BEAC, на нижнем — межрегиональный BRC, причем Международный Баренцев секретариат обслуживает оба уровня.

Поэтому механически сравнивать Северный Форум только с BEAC было бы ошибочно: один объединяет преимущественно регионы, другой — государства. Но и сравнение только с BRC упускает ключевое преимущество и одновременно уязвимость Баренцева механизма — его тесную вертикальную связь с национальными правительствами. Именно эта институциональная асимметрия двух организаций является не препятствием, а главным объяснительным ресурсом исследования.

Теоретически такая постановка вопроса опирается на три взаимосвязанных направления исследований. Первое — теория парадипломатии, рассматривающая международную активность субнациональных правительств как самостоятельный уровень современных международных отношений [2; 3]. Северный Форум особенно интересен в этом отношении, поскольку международное взаимодействие региональных руководителей не являлось дополнительным приложением к деятельности организации: оно составляло саму ее институциональную основу. В этом смысле Северный Форум представляет собой один из ранних и наиболее географически амбициозных экспериментов коллективной парадипломатии северных регионов. Современная литература вновь фиксирует растущее стремление арктических муниципальных и региональных акторов иметь собственное представительство в международном управлении, что делает опыт Северного Форума не только историческим, но и актуальным.

Тридцатипятилетие Северного Форума предоставляет редкую возможность оценить эту организацию как институциональный эксперимент в международном сотрудничестве регионов

Второе направление — теория многоуровневого управления. Л. Хуге и Г. Маркс различают, в частности, устойчивые территориальные юрисдикции общего назначения и более гибкие, пересекающиеся, функционально ориентированные управленческие конструкции [4]. Для северного сотрудничества эта оптика особенно продуктивна. Баренцев механизм соединяет государства, регионы, рабочие группы, представителей коренных народов, молодежные структуры и секретариат, то есть демонстрирует классические свойства многоуровневости. Северный Форум, напротив, строит свое ядро вокруг горизонтального взаимодействия субнациональных правительств и расширяет его посредством экспертных, деловых, образовательных и проектных сетей. В обоих случаях государственная граница перестает быть единственной линией организации политического пространства, однако происходит это разными способами.

Третье направление связано с исследованиями «институциональной плотности» арктического управления. П. Аалто и соавторы показали, что параллельное существование Арктического Совета, BEAC, Совета государств Балтийского моря и других северных институтов порождает проблему координации институтов, которые сами первоначально создавались для координации региональной политики [5]. Новейшие исследования подчеркивают, что арктическое управление представляет собой не единую иерархию, а совокупность формальных и неформальных площадок с различными мандатами, функциями и типами акторов [6].

Это означает, что жизнеспособность Северного Форума нельзя оценивать по критерию «насколько он похож на Арктический Совет или Баренцев совет». Напротив, в условиях институционально насыщенной Арктики устойчивость организации зависит от того, насколько отчетливо определена ее незаменимая функция.

Исследовательский вопрос статьи поэтому формулируется следующим образом: почему Северный Форум и Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество (Баренц-регион), возникшие почти одновременно, в близкой исторической среде и вокруг сходной идеи трансграничного развития Севера, сформировали столь разные траектории институционального развития и адаптации к кризисам? Ответ предлагается искать не в различиях отдельных руководителей или национальной политики как таковой, а прежде всего в исходной «институциональной геометрии» двух систем.

Основная гипотеза состоит в существовании дилеммы институциональной сцепленности. Чем сильнее межрегиональная организация встроена в национальные правительства, постоянные территориальные структуры и механизмы публичного финансирования, тем выше при благоприятной международной конъюнктуре ее исполнительская и ресурсная способность, однако тем непосредственнее на нее передаются межгосударственные политические конфликты. И наоборот: более автономная, горизонтальная и пространственно открытая сеть регионов обладает меньшими гарантированными ресурсами и сильнее зависит от активности своих членов, но потенциально получает большую способность менять состав участников, географические направления, тематическую повестку и формы деятельности. Северный Форум и Баренц-регион позволяют проверить эту гипотезу на 35-летнем историческом материале.

Материалы, методы и методология

Исследование построено как исследование двух случаев-аналогов в логике сравнительного институционального анализа. Сходство исходных условий значительно: обе институциональные модели родились на северной периферии в первые годы после окончания холодной войны; обе ориентировались на практическое сотрудничество через государственные границы; обе признали необходимость участия региональных властей; обе создали тематические рабочие механизмы и со временем включили вопросы устойчивого развития, экологии, транспорта, культуры, молодежи, знания и человеческого капитала. Благодаря этому различия в последующей траектории можно аналитически связать с особенностями институционального устройства. Сама сравнительная традиция изучения североевропейских сотрудничающих регионов также показывает, что общность геополитической среды не устраняет различий в пространственном масштабе, составе акторов и институциональной логике [7].

Второй метод — исторический институционализм и прослеживание реакции институтов на критические развилки. Для Северного Форума такими развилками выступают создание организации в 1991 году; быстрый рост 1990-х — начала 2000-х годов; появление Арктического Совета как более мощного межгосударственного института; кризис членства и управления в 2000-е годы; смерть У. Хикла в 2010 году; выход Аляски в 2011 году и перенос секретариата из Анкориджа в Якутск в 2012–2013 годах; последующее организационное обновление и принятие Стратегии развития до 2030 года; наконец, геополитический кризис после 2022 года. Для Баренцева сотрудничества критическими точками являются учреждение двух уровней в 1993 году; создание постоянного Международного Баренцева секретариата в Киркенесе по соглашению 2007 года; приостановка деятельности с участием России в марте 2022 года; выход России из BEAC в сентябре 2023 года; решение Финляндии прекратить свое государственное членство после 2025 года; реконфигурация сотрудничества в 2025–2026 годах.

Эмпирическую базу образуют четыре группы источников. Первая — книга «Северный Форум: рожденный объединять», содержащая реконструкцию истории организации, сведения о ее резолюциях, институциональном кризисе и переносе секретариата, характеристику ранних проектов и текстуальную основу Стратегии до 2030 года [8]. Вторая — официальные материалы Северного Форума: современное описание миссии и принципов, состав членов, структура секретариата, условия членства, текущие проекты и мероприятия 2026 года. Третья — официальные документы

Северный Форум — «обучающая» или «венчурная» организация, результатом которой является институциональная диффузия — рождение идеи, создание сети, перенос практики между регионами, формирование темы, которая затем получает более крупное финансирование и институционализацию в другом месте

и сайты Баренцева сотрудничества и правительств стран-участниц. Четвертая — научная литература по парадипломатии, многоуровневому управлению и арктическим институтам. Такой корпус позволяет совместить взгляд «изнутри» Северного Форума с внешней институциональной и сравнительной литературой.

Для структурированного сравнения вводятся шесть аналитических (качественных) переменных. Пространственная топология означает принцип определения пространства сотрудничества: фиксированная смежная территория или открытая сеть сходных по условиям регионов. Вертикальная сцепленность характеризует связь регионального уровня с национальными правительствами. Ресурсная встроенность означает наличие постоянной организационно-финансовой инфраструктуры, обеспечивающей переход от дискуссии к проекту. Проектный «метаболизм» характеризует то, каким способом организация создает результат: непосредственно финансирует и администрирует проект либо формирует идеи, партнерства, знания и пилотные решения, которые могут затем реализовываться в других институциональных контурах. Организационная пластичность — способность менять состав участников, географические центры и инструменты без разрушения организации. Наконец, геополитическая экспозиция показывает, насколько межгосударственный конфликт непосредственно блокирует основные процессы организации.

Последнее различие принципиально важно для оценки Северного Форума. Если измерять результативность только числом собственных крупных проектов и объемом аккумулированного финансирования, Северный Форум неизбежно будет выглядеть слабее структур, встроенных в национальные и европейские финансовые программы. Но книга В. Н. Васильева и др. предлагает иной ключ: рассматривать его как «обучающую» или «венчурную» организацию, результатом которой является не только собственный проект, но и институциональная диффузия — рождение идеи, создание сети, перенос практики между регионами, формирование темы, которая затем получает более крупное финансирование и институционализацию в другом месте. Именно поэтому в исследование вводится понятие проектного метаболизма, позволяющее различать организацию — «оператора проектов» и организацию — «инкубатора проектов».

Метод имеет ограничения. Во-первых, обе организации обладают разной степенью открытости исторических архивов. Во-вторых, число участников само по себе мало говорит о реальной интенсивности их деятельности. В-третьих, в условиях после 2022 года формальное членство, фактическая активность и политическая возможность трансграничного взаимодействия могут расходиться. В-четвертых, прямое количественное сравнение финансирования некорректно: Баренцева система окружена множеством национальных и европейских программ, которые не следует считать собственным бюджетом BEAC / BRC. Поэтому выводы статьи основаны преимущественно на институциональном анализе, а не на построении условного рейтинга двух организаций.

Основные результаты

Первый и наиболее фундаментальный результат сравнения состоит в обнаружении двух разных способов конструирования самого Севера как пространства международного взаимодействия.

Северный Форум строился не вокруг одного моря, государственной границы или исторически целостного макрорегиона. В его замысле «Север» выступал прежде всего зоной сходных условий развития: низкой плотности населения, удаленности, сурового климата, сырьевой специализации, инфраструктурных ограничений, сильных коренных культур и высокой стоимости жизнеобеспечения. Поэтому Аляска, Якутия, Лапландия, Хоккайдо, северные территории Канады или регионы Северо-Восточной Азии могли рассматриваться как естественные партнеры, даже не будучи географическими соседями. В книге эта логика точно названа «зональной» и противопоставлена бассейновому принципу Баренц-региона. Современная формула членства Северного Форума остается достаточно открытой: кандидат должен быть органом власти северного региона либо региона, заинтересованного в международном сотрудничестве в Арктике и на Севере.

Северный Форум строился не вокруг одного моря, государственной границы или исторически целостного макрорегиона, он строился по «зональной» логике

Баренцева модель возникла иначе. Здесь сам «регион» был политически сконструирован как территория приграничного сотрудничества северной Норвегии, Швеции, Финляндии и Северо-Запада России. Официальная история Баренцева сотрудничества прямо связывает его создание в 1993 году с задачей стабильности, устойчивого развития и сотрудничества между людьми через прежний геополитический разлом Европы. Это не просто сеть регионов со сходным климатом, а территориальный макрорегион, где близость границ создает конкретные общие задачи: транспорт, спасательные операции, культура, здоровье, природоохранное управление, мобильность населения и хозяйственные связи.

Отсюда предлагается первое концептуальное различие: Северный Форум представляет открытый зонально-сетевой регионализм, тогда как Баренцево сотрудничество — территориально-смежный макрорегионализм. В первом случае общность производится через сходство северных проблем и возможность обмена решениями; во втором — через соседство, трансграничные потоки и принадлежность к общей функциональной территории. Это различие объясняет, почему Северный Форум изначально мог мыслить себя циркумполярно и двигаться «вслед за солнцем» от Тихоокеанского Севера к Евразии и Европе, тогда как Баренцева система обладала значительно более устойчивыми пространственными границами (табл. 1).

ТАБЛИЦА 1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ «ДНК» СЕВЕРНОГО ФОРУМА И БАРЕНЦ-РЕГИОНА

Параметр	**Северный Форум**	**Баренцево / Евро-Арктическое сотрудничество**
Формальное начало	8 ноября 1991 г., Аляска	Январь 1993 г., Киркенесская декларация и региональный протокол
Базовый тип акторов	Субнациональные правительства северных регионов	Государства в BEAC + регионы в BRC
Пространственный принцип	Открытый зонально-сетевой: сходство северных условий, географическая несмежность допустима	Территориально-смежный макрорегион: север Норвегии, Швеции, Финляндии и исторически Северо-Запад России
Вертикальная архитектура	Преимущественно горизонтальная сеть регионов	Институционализированная двухуровневая система «государства — регионы»
Политический механизм	Парадипломатия, общественная (низовая) дипломатия, губернаторское лидерство	Межправительственное сотрудничество + межрегиональное сотрудничество
Секретариат	Анкоридж до 2012–2013 гг.; затем Якутск	Постоянный секретариат Баренц-региона в Киркенесе с 2008 г.
Коренные народы	Значимая проектная и тематическая составляющая; ядро управления построено вокруг региональных правительств	Институционально выделенная рабочая группа по коренным народам; представитель участвует в структурах регионального уровня
Ресурсная модель	Членские взносы, ресурсы регионов и партнеров, привлечение финансирования под проекты	Государственная и региональная встроенность, собственные инструменты и широкая внешняя проектно-финансовая экосистема
Ключевое организационное преимущество	Географическая и организационная пластичность	Плотность многоуровневой институционализации
Ключевой структурный риск	Недостаточность постоянных ресурсов и зависимость от активности членов	Высокая передача межгосударственных конфликтов на региональную систему

Источник: составлено автором по официальным материалам организаций

Второе системное различие связано с вертикальной сцепленностью. Северный Форум исторически возник как попытка губернаторов вывести решение северных проблем в отдельный международный канал. Это не означает независимости регионов от национальных государств в международно-правовом смысле. Речь идет о функциональной автономии повестки: региональные власти встречаются не как подразделения национальных дипломатий, а как носители собственного знания о развитии холодных территорий. В терминах теории парадипломатии такой механизм превращает субнациональную единицу из пассивного объекта внешней политики в международного актора с ограниченным, но реальным набором собственных каналов [9; 10].

Баренцева система устроена по-другому: самостоятельность регионального уровня изначально сочетается с надстроенным межправительственным советом. Именно поэтому она могла одновременно переводить локальные проблемы наверх и национальные приоритеты вниз. Международный Баренцев секретариат поддерживает и BEAC, и BRC, обеспечивает преемственность между сменяющимися председательствами, обслуживает рабочие группы и хранит общий институциональный архив. Такая конструкция обеспечивает более сильную организационную память и регулярность взаимодействия.

Но та же вертикальная связь становится каналом передачи геополитического шока. После начала СВО России пять североевропейских государств и ЕС в марте 2022 года приостановили деятельность Баренцева сотрудничества с участием России. В сентябре 2023 года Россия объявила о выходе из BEAC. Исследования Т. Койвуровы и А. Шибаты показывают, насколько серьезно кризис 2022 года затронул именно мягкие межправительственные арктические институты, включая Баренцев совет [11].

Северный Форум исторически возник как попытка губернаторов вывести решение северных проблем в отдельный международный канал

Однако вывод о «разрушении» Баренцева сотрудничества был бы чрезмерным. В 2026 году BEAC продолжает существовать без России и уже без Финляндии на государственном уровне: официальный состав включает Норвегию, Швецию, Данию, Исландию и Европейский союз; Норвегия и Швеция в течение 2026 года поочередно председательствуют на встречах комитета старших должностных лиц. Финляндия еще в ноябре 2024 года официально объявила о выходе из BEAC после 2025 года, мотивируя это изменением европейской системы безопасности, утратой прежней функции формата и стремлением избежать институционального дублирования.

Выход Финляндии с государственного уровня не привел автоматически к исчезновению финляндского регионального участия. В современном BRC остается Северная Остроботния (российские регионы официальный сайт обозначает как «в настоящее время неактивные»). Это наблюдение уточняет нашу гипотезу: многоуровневость не только передает кризисы сверху вниз, но и создает возможность разведения уровней, когда региональная кооперация оказывается способной продолжаться при изменении состава межправительственного этажа.

В результате различие двух моделей нельзя описать простым противопоставлением «гибкий Северный Форум — негибкий Баренц-регион». Более точная формула состоит в том, что первая система делает ставку на автономию горизонтальной сети, а вторая — на разделение и сцепление уровней.

Третье различие касается «проектного метаболизма». Уже в первые годы Северного Форума обсуждались или запускались инициативы, значительно опережавшие тогдашний масштаб межрегиональной организации: Академия Северного Форума, циркумполярные воздушные маршруты, трансарктические перелеты, развитие Северного морского пути, реагирование на нефтяные разливы, управление популяциями диких животных, северный туризм, жилищные технологии и даже идея специального Арктического банка развития. Не все эти замыслы стали собственными долгосрочными проектами Северного Форума. Но именно это обстоятельство позволяет иначе поставить вопрос о результативности: организация действовала как пространство формирования ранней повестки и связей между людьми и регионами, после чего часть идей могла получать дальнейшее развитие за ее пределами.

Многоуровневость не только передает кризисы сверху вниз, но и создает возможность разведения уровней

Стратегия Северного Форума до 2030 года, воспроизведенная и подробно рассмотренная в книге В. Н. Васильева и др., фактически институционализирует эту логику. В ней поставлены задачи стать центром компетенций и «обучающей организацией», демонстрационной площадкой инновационного проектирования и посредником между предпринимателями северных территорий и институтами развития. Три стратегических направления определены как «знание», «предпринимательство» и «обновленная организация». Поэтому правильнее измерять Северный Форум не только количеством проектов, которые полностью администрирует его секретариат, но и величиной мультипликатора знания: сколько региональных практик организация обнаружила, перевела в международно понятный формат, соединила с потенциальными партнерами и помогла распространить.

У Баренцева сотрудничества проектный метаболизм более инфраструктурно насыщен. Рабочие группы сегодня охватывают здравоохранение и социальную сферу, образование и исследования, культуру, лесной сектор, туризм, транспорт и логистику, экономическое сотрудничество, окружающую среду, молодежь, коренные народы и сотрудничество в области поиска и спасения. В 2021 году государства BEAC утвердили Баренцев финансовый механизм как специальный грантовый инструмент для поддержки деятельности рабочих групп и новых инициатив; кроме того, баренцевские проекты включены в более широкую среду национального и европейского трансграничного финансирования. Например, проект Новый Север по транспорту, логистике и безопасности снабжения получил около 2 млн евро через Interreg Aurora. Важно подчеркнуть: средства Interreg — не «бюджет Баренцева совета», а пример той финансовой экосистемы, к которой акторы Баренц-региона структурно подключены.

Таким образом, Баренцев механизм сильнее как конвейер институционализации и исполнения, а Северный Форум — потенциально сильнее как инкубатор и транслятор новизны. Это не оценочное противопоставление «лучше — хуже». Инкубатор без ресурсов рискует производить идеи, которые реализуют другие; исполнительная система без притока новых идей рискует оптимизировать уже сложившуюся повестку. Наиболее сильные региональные институты должны уметь соединять обе функции.

ТАБЛИЦА 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ И КРИТИЧЕСКИЕ РАЗВИЛКИ ДВУХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Период	Северный Форум	Баренцево сотрудничество	Сравнительное значение
1991–1996	Формирование, быстрая международная экспансия, широкий набор инновационных северных инициатив	Создание BEAC и BRC в 1993 г.; институционализация приграничного сотрудничества	Две параллельные модели регионализма после холодной войны
1997–2007	Рост, затем начало конкуренции с более мощными арктическими площадками и нарастание внутренних проблем	Укрепление рабочих групп и двухуровневой системы; решение о создании постоянного международного секретариата	Северный Форум сохраняет гибкость; Баренц-регион наращивает институциональную плотность
2008–2013	Сокращение членства; смерть У. Хикла; выход Аляски; кризис финансов и управления; перенос секретариата из Анкориджа в Якутск	Начало работы секретариата в Киркенесе; укрепление организационной преемственности	Первый крупный стресс-тест Северного Форума выявляет способность к реконфигурации
2014–2021	Стабилизация; обновление устава и стратегии; ориентация на знания, партнерства, проекты, форумы	Развитая система рабочих групп; принятие Баренцева финансового механизма	Усиливается различие «сетевая гибкость — ресурсная встроенность»
2022–2026	Сохранение организации; поиск новых азиатско-тихоокеанских связей при одновременном сохранении Аляски и Канвондо в официальном составе; участие в отдельных арктических сетях	Приостановка сотрудничества с Россией; выход России в 2023 г.; выход Финляндии из BEAC после 2025 г.; продолжение BEAC и BRC в реконфигурированном северо-европейском формате	Второй стресс-тест: проявляются два различных механизма институциональной устойчивости

Источник: составлено автором

Особенно содержательно сопоставление кризисов (табл. 2). В истории Северного Форума крупнейшим внутренним испытанием стал не 2022 год, а рубеж 2000-х — начала 2010-х годов. После максимального расширения начала 2000-х число регионов-членов последовательно сокращалось; организация столкнулась с задолженностью и кризисом управления. После смерти У. Хикла и выхода Аляски было принято решение о переносе секретариата из Анкориджа в Якутск. Резолюции 2012–2013 годов оформили передачу функций, ликвидацию прежней корпоративной оболочки и обновление устава. С институциональной точки зрения произошел весьма необычный процесс: организация сохранила идентичность, хотя сменила географический центр, административную конструкцию и значительную часть первоначального состава.

Это позволяет назвать базовый механизм устойчивости Северного Форума устойчивостью через мобильность. Под мобильностью понимается не физическое перемещение офиса как таковое, а способность отделить идентичность организации от конкретного государства, секретариата, первоначальной коалиции участников и даже от одной исторической фазы развития. Для территориально фиксированного макрорегиона такая операция значительно сложнее: нельзя «перенести» Баренц-регион из Северной Европы в Тихоокеанский сектор, не утратив его смысла. Северный Форум, напротив, теоретически может изменить центр тяжести с Северной Атлантики на Северную Пацифику, не перестав быть форумом северных регионов.

Текущий состав наглядно демонстрирует и сильную, и слабую стороны подобной пластичности. Официальный сайт Северного Форума в 2026 году показывает 12 регионов-членов: десять российских субъектов, штат Аляска и провинцию Канвондо Республики Корея. Тем самым организация формально сохраняет трансконтинентальный характер и присутствие по обе стороны северной части Тихого океана, однако географический баланс участников значительно отличается от широкого циркумполярного состава ранних десятилетий. Это означает, что организационное выживание еще не тождественно полному сохранению исходной международной функции. Для оценки устойчивости необходимо различать существование института и воспроизводство его миссии.

Северный Форум теоретически может изменить центр тяжести с Северной Атлантики на Северную Пацифику, не перестав быть форумом северных регионов

Именно поэтому активизация международной деятельности Северного Форума в 2026 году заслуживает аналитического внимания. Организация заявляет о расширении связей с Республикой Корея, Китаем, Монголией, Индией и потенциальными партнерами в других азиатских странах, использует понятие формирующегося «Тихоокеанского партнерства», одновременно предпринимает шаги по сохранению американского измерения и участвует в рабочей группе Арктического Совета по предупреждению, готовности и реагированию на чрезвычайные ситуации. Это еще не доказывает восстановления прежней плотности циркумполярных связей, но показывает характерный для Северного Форума механизм адаптации: расширять внешнюю сетевую оболочку, не меняя базовый принцип регионального членства.

У Баренцева сотрудничества иной тип устойчивости — устойчивость через встроенность. Созданный в Киркенесе Международный Баренцев секретариат обеспечивает организационную память, а сохранение рабочих групп, молодежных и коренных структур позволяет продолжать деятельность после резкого изменения политической географии. В 2025–2026 годах действуют молодежные форматы, культурные механизмы, экологические группы и новые дискуссии о будущем Евроарктического сотрудничества. В феврале 2026 года первая Евро-Арктическая ассамблея в Будё была посвящена среди прочего усилению регионального и местного уровня в условиях новых проблем безопасности, климата и демографии.

Но цена этой устойчивости состоит в изменении первоначальной миссии. Баренцев регион 1993 года был политическим проектом преодоления бывшей линии Восток — Запад; современный формат фактически функционирует преимущественно как североевропейская система Норвегии, Швеции и северных регионов Финляндии с участием более широкого межправительственного круга BEAC. Следовательно,

Северный Форум исторически развивал проекты в области традиционного природопользования, оленеводства, управления биоресурсами, сохранения биоразнообразия и вовлечения местных знаний

Баренцев механизм демонстрирует высокую институциональную непрерывность, но существенно более низкую непрерывность первоначальной геополитической функции. Точно так же Северный Форум сохраняет организацию и пространственную возможность глобального охвата, но пока не полностью восстанавливает международную диверсификацию эпохи расцвета. Эта симметрия принципиальна: ни одна из организаций после больших шоков не осталась неизменной.

Четвертое различие относится к роли коренных народов. Для обеих организаций тема коренных сообществ содержательно важна, но институционализирована неодинаково. Северный Форум исторически развивал проекты в области традиционного природопользования, оленеводства, управления биоресурсами, сохранения биоразнообразия и вовлечения местных знаний. В 2026 году организация, в частности, заявляет о разработке межрегионального проекта по оленеводству и использовании модельных территорий устойчивого развития.

В Баренцевой системе представители коренных народов обладают более отчетливо закрепленным институциональным положением. Рабочая группа коренных народов выполняет специальную консультативную функцию; ее представитель входит в региональный комитет и участвует в различных уровнях работы BEAC / BRC. Это один из элементов, которые Северному Форуму целесообразно рассматривать не как конкурентное преимущество другой организации, а как институциональную инновацию, пригодную для адаптации (табл. 3).

ТАБЛИЦА 3. СРАВНЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРОЕКТНЫХ МОДЕЛЕЙ

Аналитическая функция	**Северный Форум**	**Баренцево сотрудничество**
Генерация новой повестки	Исторически высокая: широкий спектр ранних циркумполярных инициатив; стратегия делает акцент на знаниях и инновационном проектировании	Преимущественно через специализированные рабочие группы, программы председательств и региональные потребности
Основная логика проекта	Инкубация идеи, подбор регионов и экспертов, пилотирование, обмен практиками, дальнейшее масштабирование	Институционализация трансграничной задачи, рабочая группа, программа, грантовая или внешняя финансовая схема
Финансовая база	Членские взносы, вклад регионов и партнеров, привлечение средств под конкретные проекты	Более плотная связь с государственными, региональными и европейскими финансовыми инструментами
Работа со знаниями	Потенциально центральная функция; Стратегия до 2030 г. прямо ориентирует форум на модель знаниевой и обучаемой организации	Знание чаще встроено в секторные рабочие группы и территориальные программы
Географическое масштабирование	Высокий потенциал переноса практики между несмежными регионами Европы, Азии и Америки	Высокая интенсивность внутри конкретного макрорегиона, более низкая пространственная переносимость самой институциональной модели
Коренные народы	Сильная проектная повестка; возможен дальнейший рост формального представительства	Более формализованное постоянное участие через рабочую группу коренных народов
Молодежь и образование	Форум северной молодежи, Ассоциация школ, академические и научные партнерства	Баренцев совет молодежи региона, рабочие группы, культурно-образовательные программы
Главный тип результата	Новая связь, знание, модель, пилот, идея для тиражирования	Устойчивое трансграничное действие в институционально определенном регионе

Источник: составлено автором

История Северного Форума — это чередование «расцвета» 1990-х, «кризиса» 2000-х и последующего «возрождения»

И наконец, сравнение позволяет по-новому определить то, что можно считать конкурентным преимуществом Северного Форума. В научной логике это не преимущество организации над Баренц-регионом. Северные институты не фирмы на одном рынке, где успех одного равен проигрышу другого. Исследования институциональной экологии Арктики показывают как раз обратное: разные площадки выполняют разные функции, а избыточность каналов способна при определенных условиях повышать общую устойчивость системы [12; 13].

Преимущество означает наличие функции, которую другим институтам трудно воспроизвести без изменения собственной природы.

Для Северного Форума такой функцией является сочетание четырех характеристик: субнационального уровня, открытой циркумполярной географии, проектно-знаниевой ориентации и относительно невысокой политической формализации. Арктический Совет не может стать организацией губернаторов, не перестав быть межправительственным форумом. Баренцев регион не может открыть свое членство для произвольного набора северных территорий Азии и Северной Америки, не изменив макрорегиональную природу. А научная сеть или конференция не могут полностью заменить политический вес субнациональных правительств. Именно в пересечении этих признаков находится потенциальная институциональная ниша Северного Форума (табл. 4).

ТАБЛИЦА 4. ДВА ТИПА УСТОЙЧИВОСТИ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ОРГАНИЗАЦИЙ

Измерение устойчивости	**Северный Форум**	**Баренцево сотрудничество**	**Вывод для Северного Форума**
Смена географического центра	Высокая: подтверждена переносом секретариата из Анкориджа в Якутск	Низкая (или средняя): идентичность тесно связана с Баренцевым макрорегионом и Киркенесом	Сохранять институциональную мобильность
Изменение состава членов	Высокая пластичность, но риск потери международного баланса	Членство связано с конкретной территориальной архитектурой	Рост членства оценивать не числом, а географическим разнообразием и активностью
Передача межгосударственного конфликта	Опосредованная, хотя политические ограничения сильно влияют на реальные контакты	Более непосредственная из-за государственного уровня ВЕАС	Поддерживать самостоятельные слабо политизированные каналы регионов
Постоянство проектной инфраструктуры	Более зависимо от инициативы членов и партнеров	Выше благодаря секретариату, рабочим группам и внешним программам	Нужна более сильная система проектного посредничества и софинансирования
Институциональное участие коренных народов	Содержательно развито, но менее формализовано	Высокая институциональная закрепленность	Возможна селективная формализация постоянного представительства
Генерация и диффузия новых практик	Потенциально ключевое сравнительное преимущество	Сильна практическая реализация в макрорегионе	Ввести специальный учет трансфера и тиражирования практик
Международная география к 2035 г.	Потенциально циркумполярная и трансарктическая	Преимущественно Северная Европа	Не копировать Баренцев формат, а восстанавливать многоузловую циркумполярность
Базовый тип устойчивости	Устойчивость через мобильность и реконфигурацию	Устойчивость через многоуровневую встроенность	Соединить собственную гибкость с отдельными элементами институциональной плотности Баренц-региона

Источник: концептуализация автора

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют пересмотреть распространенный способ описания истории Северного Форума как чередования «расцвета» 1990-х, «кризиса» 2000-х и последующего «возрождения». Такая периодизация полезна, но недостаточна, поскольку подразумевает единую меру успеха. С точки зрения исторического институционализма важнее другое: организация дважды переживала изменение внешней среды настолько масштабное, что ее первоначальная конструкция могла исчезнуть. Первый раз — после появления более мощных арктических институтов, уменьшения числа членов, утраты аляскинского центра и кризиса секретариата. Второй — после разрушения значительной части прежнего режима российско-западного арктического сотрудничества в 2022 году. Сам факт сохранения Северного Форума после этих развилок свидетельствует о наличии структурной адаптивности, хотя не снимает вопроса о качестве и международном масштабе его деятельности.

Сравнение с Баренц-регионом особенно полезно потому, что показывает: устойчивость организации нельзя понимать как неизменность. Баренцево сотрудничество в 2026 году существует, имеет секретариат, рабочие группы, молодежные структуры и регулярные мероприятия, однако Россия — один из системообразующих участников модели 1993 года — вышла из BEAC, а Финляндия прекратила участие на межправительственном уровне после 2025 года. Северный Форум также существует, но его нынешний состав существенно смещен в сторону российских регионов по сравнению с циркумполярным многообразием предыдущих периодов. Следовательно, корректная оценка требует, как минимум, трех критериев: организационной непрерывности, функциональной непрерывности и политико-географической непрерывности. По ним результаты двух организаций различаются.

Именно здесь возникает наиболее общий теоретический вывод статьи — дилемма институциональной сцепленности. Плотное соединение регионального сотрудничества с государственными структурами и устойчивым финансированием увеличивает способность организации превращать решения в регулярную практику. Баренцев механизм демонстрирует это наличием постоянного секретариата, системой отраслевых рабочих групп, регионального комитета, специализированного участия коренных народов и связями с грантовыми программами. Однако та же вертикальная интеграция делает его чувствительным к межгосударственному конфликту. Северный Форум обладает меньшей ресурсной плотностью, зато его идентичность не привязана ни к одной конкретной государственной коалиции и даже ни к одному фиксированному макрорегиону. Это порождает меньшую исполнительскую определенность, но большую конфигурационную свободу.

> Стратегическая формула для Северного Форума может быть определена как «институционализировать процессы, не институционализируя географические ограничения»

Однако из этого не следует, что оптимальной стратегией Северного Форума является сохранение максимально неформальной структуры. Опыт Баренц-региона показывает преимущества селективной формализации: постоянный профессиональный секретариат, институциональная память, устойчивые процедуры рабочих групп, гарантированное представительство коренных народов, понятные циклы председательства и прозрачные механизмы превращения инициатив в проекты. Проблема начинается не с формализации как таковой, а с той ее разновидности, которая лишает субнациональную сеть автономии и превращает ее в дубликат межгосударственной организации.

Поэтому стратегическая формула для Северного Форума может быть определена как «институционализировать процессы, не институционализируя географические ограничения». Форуму полезно укреплять проектные процедуры, мониторинг результатов, механизмы финансирования и экспертные структуры, но не следует замыкать членство на одной части циркумполярного мира или превращать секретариат в представителя одного национального курса. Именно открытая зональная география является той характеристикой, которую Баренцев механизм принципиально не может воспроизвести без потери собственной идентичности.

Отсюда следует первый практический вывод к горизонту 2035 года: восстановление международного баланса важнее механического увеличения числа участников. В Стратегии Северного Форума до 2030 года, приведенной в книге, прогнози-

ровалось достижение 25 регионов-членов. По состоянию на 2026 год официальный сайт указывает 12. Простое сравнение «12 против 25» мало информативно: 25 пассивных регионов не делают сеть сильнее, чем 12 активных. Более корректный показатель должен учитывать число стран и макрорегионов, долю участников вне страны размещения секретариата, интенсивность совместных проектов, плотность контактов и устойчивость участия после смены губернаторов.

Для Северного Форума особенно перспективна модель многоузловой циркумполярности. Она предполагает, что Якутск сохраняется как эффективный административный центр, но международная активность не концентрируется в единственной точке: Северо-Тихоокеанский узел может строиться вокруг Аляски, Дальнего Востока и Канвондо; азиатский — вокруг научно-образовательных и деловых партнерств с Китаем, Республикой Корея, Монголией, Индией; европейские контакты — вокруг проектных и экспертных партнеров; отдельные функциональные сети могут формироваться по климату, вечной мерзлоте, медицине удаленных поселений, оленеводству или северной логистике. Текущая активизация азиатско-тихоокеанских контактов и участие Канвондо показывают, что институциональная основа для такого разворота существует.

Второй практический вывод касается проектной деятельности. Северному Форуму едва ли рационально пытаться создать собственный аналог крупных программ Interreg. Масштабы членских взносов и характер организации делают более реалистичной другую роль — проектного брокера. Секретариат мог бы стандартизировать «паспорт северной инициативы», помогать собирать консорциум из двух-трех регионов, научной организации и бизнеса, проводить предварительную экспертизу, находить подходящий внешний финансовый инструмент и сопровождать проект до подачи заявки. Тем самым небольшая собственная финансовая база превращалась бы в рычаг мобилизации значительно больших внешних средств. Подобная посредническая функция прямо соответствует стратегической идее Северного Форума как связующего звена между инновационными проектами и институтами развития.

Для Северного Форума особенно перспективна модель многоузловой циркумполярности

Третий вывод — необходимость изменить систему оценки результатов. В действующей в книге версии Стратегии присутствуют показатели числа членов, партнеров, мероприятий, проектов и медиаупоминаний. Для организации, претендующей на роль «обучающей», этого недостаточно. Требуется учет институциональной диффузии: сколько решений одного региона было принято или адаптировано другим; сколько инициатив, зародившихся в рабочих структурах Северного Форума, получили внешнее финансирование; сколько совместных стандартов или методик создано; сколько устойчивых межрегиональных связей продолжают работу после завершения мероприятия; какова сумма привлеченного внешнего финансирования на единицу средств секретариата. Такой подход сделал бы видимой ту часть исторического вклада Северного Форума, которую обычная отчетность недооценивает.

Четвертый вывод относится к коренным народам. Баренцев опыт показывает, что постоянное институциональное присутствие представителя коренных народов не разрушает регионально-государственную архитектуру, а добавляет ей легитимность и знание «с места». Для Северного Форума, где принцип низовой дипломатии и приоритет местного знания уже закреплены концептуально, логичным следующим шагом могло бы стать более формальное участие представителей коренных народов в выработке повестки, например через постоянный консультативный орган или гарантированное место в ключевых проектных и экспертных структурах. Это было бы не копированием BRC, а институциональным развитием собственной философии У. Хикла.

Пятый вывод — Северному Форуму важно сопротивляться соблазну конкурировать с Арктическим Советом и Баренцевым советом на их собственном поле. Исследования мягких институтов Арктики показывают, насколько опасно аналитически смешивать организации с разными мандатами [13]. Северный Форум не обладает межправительственным мандатом Арктического Совета и не должен его имитиро-

Исторический возраст Северного Форума становится не только поводом для юбилейной ретроспекции, но и самостоятельным институциональным активом: организация уже располагает опытом, который новые сети лишь начинают накапливать

вать; у него нет и территориально-программной плотности Баренц-региона. Зато он способен представлять слой управления, который в межгосударственных институтах неизбежно оказывается вторичным: северные регионы как самостоятельные носители практического знания и участники международного взаимодействия.

Это особенно актуально в условиях, когда современные исследования вновь фиксируют дефицит системного участия субнациональных акторов в арктическом управлении. Опыт созданного в 2019 году Форума арктических мэров показывает одновременно востребованность горизонтального муниципального сотрудничества и ограниченность ресурсов и доступа к более высоким уровням управления [14]. На этом фоне исторический возраст Северного Форума становится не только поводом для юбилейной ретроспекции, но и самостоятельным институциональным активом: организация уже располагает опытом, который новые сети лишь начинают накапливать.

Шестой вывод связан с геополитикой. После 2022 года тезис об «арктической исключительности», согласно которому сотрудничество на Севере может быть полностью изолировано от конфликтов мировой политики, стало значительно труднее защищать. Исследования Т. Койвуровы и А. Шибаты, а также Б. Стейнвег, С. Роттема и С. Андреевой показывают глубину изменений в арктических институтах и сетях знания [15; 16]. Но отсюда не следует бесполезность низовой и региональной дипломатии. Напротив, в период ухудшения межгосударственных связей повышается относительная ценность механизмов, способных сохранять профессиональные, гуманитарные, образовательные и экспертные контакты там, где это политически и юридически возможно.

Северный Форум в этой ситуации обладает потенциальным, но не автоматическим преимуществом. Его нынешние контакты с Аляской, участие в отдельных арктических экспертных процессах и развитие азиатских партнерств показывают возможность диверсифицированной сети, но превращение возможности в устойчивый институт потребует осознанной деполитизации проектного портфеля. Наиболее жизнеспособными направлениями являются те, где существует объективный общий северный интерес: адаптация инфраструктуры к изменениям мерзлоты и климата, медицина удаленных территорий, спасение и безопасность сообществ, образование, местная авиация, оленеводство, биоразнообразие, цифровая доступность, муниципальное управление и обмен технологиями жизнеобеспечения. В марте 2026 года участие Северного Форума в заседании Рабочей группы Арктического Совета по предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций как раз иллюстрирует потенциал такой функциональной дипломатии.

Наконец, сравнение заставляет иначе посмотреть на понятие «масштаб». Масштаб Баренц-региона — это прежде всего плотность связей внутри территории. Масштаб Северного Форума — потенциально дальность переноса решения между территориями. Для первого естественным результатом является улучшение конкретного трансграничного взаимодействия соседей. Для второго — ситуация, когда практика Аляски, Якутии, Канвондо или другого северного региона становится решением для территорий, разделенных тысячами километров. Именно поэтому одна организация должна оптимизировать соседство, а другая — разнообразие. В Стратегии Северного Форума этот принцип уже обозначен как сочетание «эффектов соседства» и «эффектов разнообразия»; сравнительный анализ показывает, что именно эффект разнообразия является наиболее трудно копируемым элементом его институциональной модели.

В этом смысле 35-летняя история Северного Форума может быть прочитана не как история организации, которая сначала лидировала, затем уступила более сильным конкурентам и теперь ищет возвращения на прежние позиции. Более продуктивна другая интерпретация: Северный Форум был ранним прототипом сетевого субнационального управления Арктикой, появившимся раньше, чем институциональная система Арктики обрела современную форму. Его кризисы во многом возникали тогда, когда он пытался существовать в среде, где государственные, научные и

региональные институты стали многочисленнее и профессиональнее. Поэтому задача следующего периода — не восстановить 1990-е годы, что невозможно, а извлечь из первоначального замысла У. Хикла функцию, востребованную именно в институционально насыщенной Арктике XXI века.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов. Во-первых, исходное сопоставление Северного Форума и Баренц-региона, предложенное в книге «Северный Форум: рожденный объединять», обладает значительным исследовательским потенциалом, но нуждается в хронологическом и теоретическом уточнении. Формальный Баренцев Евро-Арктический механизм возник в 1993 году, то есть позже Северного Форума 1991 года. Поэтому отношения между ними следует интерпретировать не как «прототип — копия», а как две самостоятельные институциональные инновации одной исторической эпохи.

Во-вторых, центральное различие между ними заключается не в числе рабочих групп или проектов, а в институциональной геометрии. Северный Форум создал открытый зонально-сетевой регионализм: его пространство определяется сходством северных условий, а географическая несмежность регионов не является препятствием. Баренцево сотрудничество создало территориально-смежный макрорегионализм, в котором непосредственное соседство и трансграничность формируют сам объект управления. Эта разница предопределяет многие дальнейшие различия их траекторий.

В-третьих, организации по-разному соединяют региональный и государственный уровни. Северный Форум представляет преимущественно горизонтальную коллективную парадипломатию субнациональных правительств. Баренцев механизм институционально соединяет межправительственный Совет Баренцева Евро-Арктического региона и межрегиональный Баренцев региональный совет. Такая многоуровневая архитектура повышает его ресурсную и исполнительскую способность, но одновременно усиливает чувствительность к геополитическим разрывам. При этом сохранение финляндского региона Северная Остроботния в Баренцевом региональном совете после выхода Финляндии из Совета Баренцева Евро-Арктического региона показывает, что многоуровневость может быть и источником адаптивности благодаря относительной автономии различных этажей.

> Северный Форум демонстрирует устойчивость через мобильность и реконфигурацию

В-четвертых, выявлены два типа институциональной устойчивости. Северный Форум демонстрирует устойчивость через мобильность и реконфигурацию: он пережил сокращение членства, смену поколений лидеров, выход Аляски на определенном историческом этапе, перенос секретариата из Анкориджа в Якутск и изменение международной среды, сохранив организационную идентичность. Баренцев механизм демонстрирует устойчивость через встроенность: постоянный секретариат, рабочие группы и многоуровневые процедуры позволили продолжить сотрудничество после 2022–2025 годов, хотя первоначальная функция соединения российского и североевропейского пространства была радикально ослаблена.

В-пятых, по-разному устроен «проектный метаболизм». Сильная сторона Баренцева сотрудничества — перевод территориальных проблем в устойчивые секторные и финансово обеспеченные программы. Историческая сильная сторона Северного Форума — раннее выявление новой повестки, соединение людей и регионов, обмен практиками, создание пилотов и последующая диффузия идей. Поэтому эффективность Северного Форума следует измерять не только собственными завершенными проектами, но и количеством межрегиональных практик, которые он помог выявить, адаптировать, профинансировать или распространить.

В-шестых, Северному Форуму нецелесообразно стремиться стать уменьшенной копией Арктического Совета или Баренцева совета. Его наиболее защищенная институциональная ниша находится на пересечении четырех качеств: региональный уровень — циркумполярная открытость — обмен знаниями — проектная гибкость. Ни межправительственный Арктический Совет, ни территориальный Баренц-регион, ни обычная экспертная конференция не соединяют эти элементы в той же конфигурации. Именно это сочетание может стать основой конкурентоспособности организации к 2035 году.

Северный Форум представляет преимущественно горизонтальную коллективную парадипломатию субнациональных правительств

В-седьмых, сравнение выявляет направления институционального обучения Северного Форума у Баренц-региона без утраты собственной природы: профессионализация проектного посредничества, укрепление постоянных рабочих механизмов, более формализованное участие коренных народов, создание прозрачной системы мониторинга и привлечение внешнего софинансирования. При этом заимствоваться должна институциональная плотность, но не территориальная закрытость и не жесткая вертикальная зависимость.

Наконец, главный результат 35-летней истории Северного Форума заключается, возможно, не в продолжительности существования как таковой. Более существенен доказанный им принцип: северные регионы способны быть не только объектами национальной арктической политики, но и самостоятельными создателями международных связей, знаний и институтов. В 1991 году эта идея выглядела институциональным экспериментом. Через 35 лет, когда арктическая система стала одновременно более фрагментированной, более политизированной и более насыщенной конкурирующими площадками, она приобретает новое значение.

Поэтому юбилей Северного Форума следует рассматривать не как точку подведения окончательного баланса, а как переход от первой исторической модели организации ко второй. Северный Форум образца 2035 года может быть востребован не как еще один Арктический Совет, а как распределенная международная лаборатория северного регионального управления: место, где субнациональные правительства формулируют проблемы раньше, чем они становятся предметом большой политики; где местное знание переводится на язык тиражируемых решений; где пилотный проект одного региона становится практикой другого; и где географическая удаленность превращается из препятствия в источник разнообразия.

Именно здесь обнаруживается наиболее глубокое различие двух рассмотренных институциональных моделей. Баренц-регион сделал соседство ресурсом международного сотрудничества. Северный Форум способен сделать таким ресурсом разнообразие Севера. Сохранение и институционализация этого отличия представляются главным условием того, чтобы его первые 35 лет стали не завершенной историей уникального эксперимента после окончания холодной войны, а фундаментом следующего этапа циркумполярной парадипломатии.

Литература

1. Васильев В. Н., Краснопольский Б. Х., Пилясов А. Н. Рожденный объединять (к 30-летию Северного Форума). Москва — Смоленск: Универсум, 2023. 124 с.
2. Kuznetsov A. S. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London: Routledge, 2015. 174 p.
3. Keating M. Regions and international affairs: motives, opportunities and strategies // Regional & Federal Studies. 1999. Vol. 9, No. 1. P. 1–16. DOI: https://doi.org/10.1080/13597569908421068.
4. Hooghe L., Marks G. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance // American Political Science Review. 2003. Vol. 97, No. 2. P. 233–243. DOI: https://doi.org/10.1017/S0003055403000649.
5. Aalto P., Espíritu A. A., Kilpeläinen S., Lanko D. A. The coordination of policy priorities among regional institutions from the Baltic Sea to the Arctic: the institutions-coordination dilemma // Journal of Baltic Studies. 2017. Vol. 48, No. 2. P. 135–160. DOI: https://doi.org/10.1080/01629778.2016.1210660.
6. Steinveg B., Rottem S. V., Andreeva S. Soft institutions in Arctic governance — who does what? // Polar Record. 2024. Vol. 60. e1. DOI: https://doi.org/10.1017/S0032247423000335.

References

1. Vasiliev V. N., Krasnopolskiy B. Kh., Pilyasov A. N. The Northern Forum: Born to Unite (on the 30th Anniversary of the Organization). Moscow–Smolensk: Universum, 2023. 124 p. (In Russian).
2. Kuznetsov A. S. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London: Routledge, 2015. 174 p.
3. Keating M. Regions and international affairs: motives, opportunities and strategies // Regional & Federal Studies. 1999. Vol. 9, No. 1. P. 1–16. https://doi.org/10.1080/13597569908421068.
4. Hooghe L., Marks G. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance // American Political Science Review. 2003. Vol. 97, No. 2. P. 233–243. https://doi.org/10.1017/S0003055403000649.
5. Aalto P., Espíritu A. A., Kilpeläinen S., Lanko D. A. The coordination of policy priorities among regional institutions from the Baltic Sea to the Arctic: the institutions–coordination dilemma // Journal of Baltic Studies. 2017. Vol. 48, No. 2. P. 135–160. https://doi.org/10.1080/01629778.2016.1210660.
6. Steinveg B., Rottem S. V., Andreeva S. Soft institutions in Arctic governance — who does what? // Polar Record. 2024. Vol. 60. e1. https://doi.org/10.1017/S0032247423000335.

7. Heininen L. The Arctic, Baltic, and North-Atlantic «cooperative regions» in «Wider Northern Europe»: similarities and differences // Journal of Baltic Studies. 2017. Vol. 48, No. 4. P. 435–450. DOI: https://doi.org/10.1080/01629778.2017.1305180.
8. Васильев В. Н., Краснопольский Б. Х., Пиляcов А. Н. Рожденный объединять (к 30-летию Северного Форума). Москва — Смоленск: Универсум, 2023. 124 с.
9. Kuznetsov A. S. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London: Routledge, 2015. 174 p.
10. Keating M. Regions and international affairs: motives, opportunities and strategies // Regional & Federal Studies. 1999. Vol. 9, No. 1. P. 1–16. DOI: https://doi.org/10.1080/13597569908421068.
11. Koivurova T., Shibata A. After Russia's invasion of Ukraine in 2022: Can we still cooperate with Russia in the Arctic? // Polar Record. 2023. Vol. 59. DOI: https://doi.org/10.1017/S0032247423000049.
12. Aalto P., Espíritu A. A., Kilpeläinen S., Lanko D. A. The coordination of policy priorities among regional institutions from the Baltic Sea to the Arctic: the institutions-coordination dilemma // Journal of Baltic Studies. 2017. Vol. 48, No. 2. P. 135–160. DOI: https://doi.org/10.1080/01629778.2016.1210660.
13. Steinveg B., Rottem S. V., Andreeva S. Soft institutions in Arctic governance — who does what? // Polar Record. 2024. Vol. 60. e1. DOI: https://doi.org/10.1017/S0032247423000335.
14. Winther I. N. The Arctic Mayors' Forum: the emergence of a new circumpolar inter-subnational governance mechanism // The Polar Journal. 2025. DOI: https://doi.org/10.1080/2154896X.2025.2508613.
15. Steinveg B., Rottem S. V., Andreeva S. Soft institutions in Arctic governance — who does what? // Polar Record. 2024. Vol. 60. e1. DOI: https://doi.org/10.1017/S0032247423000335.
16. Koivurova T., Shibata A. After Russia's invasion of Ukraine in 2022: Can we still cooperate with Russia in the Arctic? // Polar Record. 2023. Vol. 59. DOI: https://doi.org/10.1017/S0032247423000049.

7. Heininen L. The Arctic, Baltic, and North-Atlantic «cooperative regions» in «Wider Northern Europe»: similarities and differences // Journal of Baltic Studies. 2017. Vol. 48, No. 4. P. 435–450. https://doi.org/10.1080/01629778.2017.1305180.
8. Vasiliev V. N., Krasnopolskiy B. Kh., Pilyasov A. N. The Northern Forum: Born to Unite (on the 30th Anniversary of the Organization). Moscow — Smolensk: Universum, 2023. 124 p. (In Russian).
9. Kuznetsov A. S. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London: Routledge, 2015. 174 p.
10. Keating M. Regions and international affairs: motives, opportunities and strategies // Regional & Federal Studies. 1999. Vol. 9, No. 1. P. 1–16. https://doi.org/10.1080/13597569908421068.
11. Koivurova T., Shibata A. After Russia's invasion of Ukraine in 2022: Can we still cooperate with Russia in the Arctic? // Polar Record. 2023. Vol. 59. https://doi.org/10.1017/S0032247423000049.
12. Aalto P., Espíritu A. A., Kilpeläinen S., Lanko D. A. The coordination of policy priorities among regional institutions from the Baltic Sea to the Arctic: the institutions–coordination dilemma // Journal of Baltic Studies. 2017. Vol. 48, No. 2. P. 135–160. https://doi.org/10.1080/01629778.2016.1210660.
13. Steinveg B., Rottem S. V., Andreeva S. Soft institutions in Arctic governance — who does what? // Polar Record. 2024. Vol. 60. e1. https://doi.org/10.1017/S0032247423000335.
14. Winther I. N. The Arctic Mayors' Forum: the emergence of a new circumpolar inter-subnational governance mechanism // The Polar Journal. 2025. https://doi.org/10.1080/2154896X.2025.2508613.
15. Steinveg B., Rottem S. V., Andreeva S. Soft institutions in Arctic governance — who does what? // Polar Record. 2024. Vol. 60. e1. https://doi.org/10.1017/S0032247423000335.
16. Koivurova T., Shibata A. After Russia's invasion of Ukraine in 2022: Can we still cooperate with Russia in the Arctic? // Polar Record. 2023. Vol. 59. https://doi.org/10.1017/S0032247423000049.